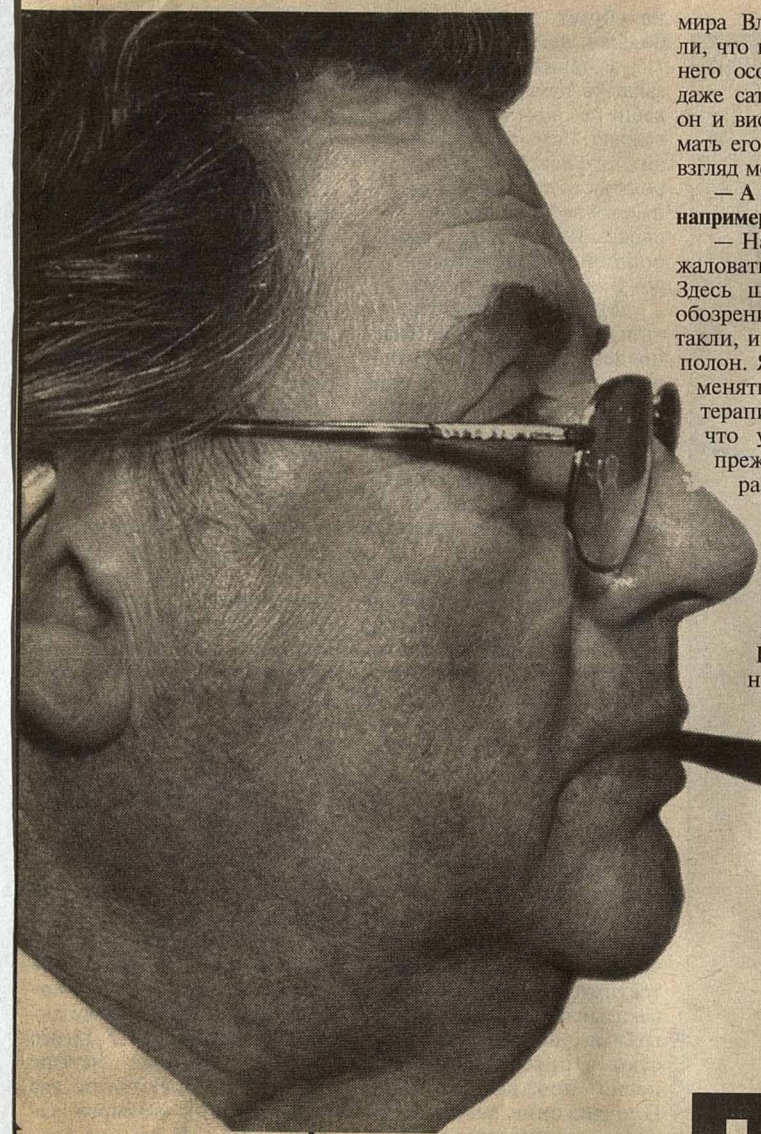

мира Владимировича. Сказали, что на этой фотографии у него особенно ироничный и даже сатиричный взгляд. Вот он и висит с тех пор, и снимать его я не собираюсь. Его взгляд меня вдохновляет.

— А не раздражает ли вас, например, репертуар театра?

— На репертуар театр пожаловаться не мог никогда. Здесь шли юмористические обозрения и серьезные спектакли, и зал у нас всегда был полон. Я не собираюсь применять никакой шоковой терапии, но я понимаю, что успех театра — это прежде всего широкий и разнообразный репертуар. Будем его потихоньку наращивать.

Вот выпустили «Орнифля». Готовим «Время и семью Конвей», это серьезная, глубоко психо-

— А как вам те, кто молодеж?

— Хорошие. Но зеленые.

— А говорят, что молодежь уже не та...

— Ага, а раньше была «та»! А еще раньше вода была мокрее и солнце ярче. Я больше сорока лет преподаю и терпеть не могу подобных разговоров. Что значит — «не та»? Почему она должна быть «та», и какая это «та»? Просто в мое время, говоря нашим шершавым языком, студенты театральных училищ были дико зажатые. И вся наша театральная школа работала на то, чтобы их раскрепостить — физически, эмоционально, интеллектуально.

Сейчас они приходят такие свободные, уже снявшие в рекламе или походившие

— Тяжело вам сейчас живется?

— Ужас. Горе. Времени нет ни на что, но я понимаю, что без крепкого репертуара успеха в театре не будет.

Я очень уважаю замечательные маленькие театры, где есть прелестные спектакли. Прихожу и думаю: какой кайф, 80 мест. Есть большие залы, где 95 мест. А у нас 1350, да еще 160 наверху. Зал надо заполнять, а люди идут на звезд.

— Выпуск спектакля — дорогое удовольствие...

— Не то слово. Денег нет, а играть на трех стульях нельзя, потому что нельзя ронять театр. Все серьезные спонсоры, все настоящие меценаты давно разобраны, а кланчить деньги у случайных людей, которые не знают, что такое театр, — стыдно, неприятно и позорно. Однако ведь выкручиваемся! Собира-

него подстраивались, то есть уже были зависимы.

— Может быть, ему хотелось больше творческой свободы?

— Издеваетесь? Никто не говорит, что нельзя работать в антрепризах, и никто не собирается делать вид, что этого не существует. Но должен же быть какой-то моральный барьер! Но когда в центре Москвы, на Триумфальной площади висит афиша «Укрощение строптивой» и билеты на спектакль распроданы, нам звонит жена артиста, занятого в главной роли, и говорит, что артист лежит и не может поднять головы, у него страшно высокая температура и вообще с ним ужас какой-то творится, мы вынуждены давать замену.

Зрители сдают билеты, потому что иногда ведь идут на конкретный спектакль и на конкретного артиста. В тот вечер было сдано 600 билетов — это половина зала. Огромные деньги для театра.

И в это время помиравший Гаркалин на сцене Театра на Таганке играет премьеру какого-то антрепризного театра. Москва — город маленький, нам, конечно, тут же доложили, как все обстоит на самом деле.

Наш замдиректора поехал туда, купил билет, сел в зале и дождался выхода Гаркалина — чтобы потом не было разговоров, что это неправда. Контракт с Гаркалиным был расторгнут тут же. Вот что такое антреприза.

— А как, кстати, выглядит ваш рабочий день? Сильно он изменился, после того как вы переехали в этот кабинет?

— Я прихожу на работу в десять утра. Разбираю дикое количество бумаг, так называемые докладные записки о том, что кто-то не пришел, кто-то заболел и требуется вводить второй состав... Потом просыпаются журналисты, и начинаются бесконечные звонки: Кубок УЕФА, ответственный матч «Локомотива», расскажите о ваших ощущениях. Рассказываю, потому что я болельщик.

Потом звонят и говорят, что сегодня юбилей банно-прачечного цеха и их надо поздравить по телефону, потому что они меня очень любят. Ладно, поздравляю.

Потом приходит, например, Михаил Михайлович Козаков, архиемоциональный человек, который начинает летать по кабинету и говорить о перспективах и проблемах будущего спектакля. Пересказывает мне содержание «Свадьбы Кречинского», напрочь забыв, что я репетировал с ним эту пьесу и знаю ее наизусть.

Потом приходит директор и сообщает, что здание, которое нам собирались отдать, потому что у нас не хватает места под цехом, отдавать раздумали и надо ехать в мэрию. Клянчить.

Потом мне приносят чай с сушками. Вот я их съедаю и начинаю отвечать на звонки драматургов. Параллельно просматриваю пьесы. По диагонали.

Вот так постепенно наступает шесть часов, я спускаюсь этажом ниже, мажу лицо тоном и иду на сцену. В десять часов вечера я сажусь в машину, приезжаю домой, выпиваю водки и смотрю по телевизору что-нибудь спортивное. Засыпаю.

Просыпаюсь я рано, в семь утра, потому как жаворонок. С семи до девяти, пока нет звонков, а жены, внуки и собаки спят, я думаю о святом и вечном.

● Алла ТЮКОВА
Фото Пааты АРЧАДЗЕ

С СЕМЬИ ДО ДЕВЯТИ Я ДУМАЮ О ВЕЧНОМ

Почти полвека на экране, сцене и газетных полосах создали того Ширвиндта, которого мы любим. Ему, может быть, единственному из советских актеров, удавалось выглядеть настоящим денди — кого бы он ни играл. Ему шло все, что было так далеко от его зрителей: трубка, шляпа, кашне, изысканная небрежность, с какой он ходил, курил, говорил. Почти год назад актер Ширвиндт превратился в художественного руководителя Театра Сатиры. И надо признать: обстановка чиновничьего кабинета ему тоже к лицу

— Александр Анатольевич, в каком состоянии достался вам театр, и что изменилось здесь за последнее время?

— Театр достался мне в хорошем состоянии. И никаких глобальных изменений пока не произошло. Начну, впрочем, сначала. Обратили внимание на наш служебный вход? Там чисто и красиво, мы там сделали ремонт.

За кулисами, там, где никогда не бывают зрители, актеры проводят большую часть своей жизни. И я должен сказать, что в нашем театре жить приятно. В примерных наших актрис уютно и красиво, как в будорах парижских кокоток.

У нас есть мемориальная гримерная Андрея Миронова, где стоит шандал из «Фигаро» и лежат некоторые его вещи. А здесь, на четвертом этаже, сидим мы, чиновники.

— А почему у вас на стене висит огромный портрет Путина?

— Дело было так: мы играли премьеру «Андрюши», на которой присутствовали люди из администрации президента. После спектакля они пришли ко мне в кабинет с большим свертком, распаковали его и сами повесили портрет Влади-

логическая пьеса, как почти все у Пристли. Ближайшие планы — Шеридан, что-нибудь из итальянской драматургии и Аверченко. Именно постановкой Аверченко мы хотим реанимировать традицию обозрений, из которых в 1924 году и родился Театр Сатиры.

Миша Козаков будет ставить у нас Сухова-Кобылина, спектакль, который когда-то мы отыграли в репетиционном зале.

Гоняюсь за Виктюком, хотя знаю, что позвать его на постановку пьесы, которую захочу я, не получится. Он придет со своей пьесой.

Ну и мне очень хочется, чтобы после удачного дебюта с «Секретаршами» что-то поставил Юрий Васильев.

— В одном из интервью вы пожаловались на недостаток молодых сил в труппе...

— Молодежь наша не молодеет. На этой почве мне пришлось расстаться с моим хорошим другом Рязановым, который хотел поставить у нас мюзикл по мотивам фильма «О бедном гусаре замолвите слово». Мы предложили ему актеров нашей труппы, но он видел спектакль по-другому, моложе.

по подиуму, что их не раскрепощать надо, а закрепощать. Так что молодежь не хуже той, что была двадцать лет назад, — она просто другая.

— Неодобрительно вы отзывались о рекламе.

— У нас не тот менталитет, чтобы нормально относиться к таким вещам. Когда наш выпускник, замечательный актер Семчев выходит на сцену МХАТа в «Кабале святош», на него все равно реагируют как на «Ты где был?» — «Пиво пил».

— А как насчет сериалов?

— С этим проще, это все-таки актерская работа. Мне вот недавно предложили сценарий. 25 серий. Очередной адвокат с молодой женой, которой он, гад, еще и изменяет. Конечно, циник. Ну этого я уже наигрался. Да еще по сценарию там была пара откровенных половых актов, куда ж без них в сериале? Я, конечно, спросил, кто играет молодую жену. Саша Захарова. А так как Саша Захарова — мой любимый ребенок и дочь моего ближайшего друга, я сказал, что с детьми моих друзей жить не могу. И отказался. Впрочем, у меня и времени на съемки нет.

ем друзей под эгидой Английского клуба, в котором я состою сопредседателем.

Они, конечно, не миллиардеры, но зато любят театр и искренне хотят нам помочь. Если кто-то занимается рекламой, то, например, бесплатно вешает наши растяжки по городу.

Вот выпустили мы «Орнифля», так фирма «Эконика» обула нам спектакль. Кажется, пустяк — что там, 15 пар обуви. Но это большие для театра деньги — обувь дорогая. Собираем помощь по крохам, но принимаем ее только от достойных людей.

Я и согласился-то на эту должность не из желания повластвовать, а потому, что боялся, что придет какой-нибудь варяг и начнет наводить здесь свои порядки. Мне не хотелось, чтобы труппа разбрелась по антрепризам.

— Не любите вы антрепризы?

— Знаете, как кроваво мы накрылись недавно с этими самыми антрепризами? Я имею в виду историю с Гаркалиным. Он же артист нашего театра, он вырос здесь. Сначала перешел на работу по контракту. Он давал свои свободные дни, и мы под

Ширвиндт Александр
Анатолийевич

20.1.02